

Научная статья

УДК 303. 442.4

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-3/128-136>

ДИСКУРС И КУЛЬТУРА – ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СМЫСЛА В ПРАКТИКЕ САССЕКСКОЙ ШКОЛЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Андрей Вячеславович Горбунов

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Аспирант, Департамент философии и религиоведения, gorbunov.av1297@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена методу лингвистического контекстуализма Сассекской школы интеллектуальной истории, имеющей самобытный поликонтекстуальный подход к реконструкции прошлых смыслов. Полагается, что подход Сассекской школы способен ярко раскрыть исторический и лингвистический контексты исследуемого текста и поэтому более детально выразить такие факторы смыслообразования, как авторское намерение, его связи с дискурсом эпохи и культурно-исторической ситуацией. В статье обозреваются условия становления школы, дана обобщённая характеристика её концептуальных взглядов, принципиальных позиций и её основного метода.

Ключевые слова: лингвистический контекстуализм, интеллектуальная история, историческая реконструкция смысла, Сассекская школа, Джон Барроу, Дональд Уинч, Стефан Коллини

Для цитирования: Горбунов А.В. Дискурс и культура – опыт исторической реконструкции смыслов в практике Сассекской школы интеллектуальной истории // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 3. С. 128–136.

Original article

DISCOURSE AND CULTURE – THE EXPERIENCE OF HISTORICAL MEANING RECONSTRUCTION IN THE PRACTICE OF THE SUSSEX INTELLECTUAL HISTORY SCHOOL

Andrey V. Gorbunov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Postgraduate Student, Department of Philosophy and Religious Studies, gorbunov.av1297@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the linguistic contextualism method of the Sussex Intellectual History School, which has an original polycontextual approach to the reconstruction of past meanings. It is believed that the approach of the Sussex School is able to reveal vividly the historical and linguistic contexts of the text and, therefore, to express in detail such factors of meaning-formation as the author's intention, its connections with the discourse of the epoch and the cultural-

historical situation. The article reviews the conditions of the school formation, provides a generalized description of its conceptual views, principle positions and its main method.

Keywords: linguistic contextualism, intellectual history, historical reconstruction of meaning, Sussex School, John Burrow, Donald Norman Winch, Stefan Collini

For citation: Gorbunov A.V. Discourse and Culture – the Experience of Historical Reconstruction of Meaning in the Practice of the Sussex School of Intellectual History // Far Eastern Philological Journal. 2023. Vol. 1, № 3. P. 128–136. (In Russ.)

Введение

В современной гуманитарной науке особое место отводится лингвистическим исследованиям. Во многом это обусловлено философским «лингвистическим поворотом» XX века, который связывают с аналитической западной традицией. Одной из важных черт этого философского течения явился неординарный взгляд на язык и сформулированное им знание: любая информация представлялась не столько отражением внешнего мира, сколько порождением речи познающего субъекта, особых словесных комбинаций, им конструируемых [6, с. 140]. И сам язык оказывается способным формировать человеческое мышление. Как писал Витгенштейн: «Границы моего языка означают границы моего мира. <...> То, что мир является моим миром, обнаруживается в том, что границы особого языка (того языка, который мне только и понятен) означают границы моего мира» [1]. Такой взгляд на язык побудил некоторый пересмотр гносеологических свойств «знания», придав нашему пониманию о нём конструктивистско-конвенциальные черты. Дополнением к этой мысли стало и то, что значение отдельных слов является изменчивым и зависит от ситуации их употребления, то есть от внешнего языкового контекста, в котором звучит сказанное слово [4, с. 13–138]. С другой стороны, было замечено, что язык способен формировать нашу картину мира, а значит возможности языка и его структура играют важную роль в формировании культуры и её производных [2; 7; 8].

Такой антропологический взгляд на язык, а за ним и на любой продукт человеческой мысли не мог не отразиться в герменевтике – науке о понимании, интерпретации текстов. Наиболее яркое выражение этой культууроориентированной герменевтики обнаруживается в особой области исследований и дисциплине – интеллектуальной истории, изучающей мысли прошлых эпох через их историческую динамику и функционирование в отдельном интеллектуальном пространстве [13, р. 260]. В интеллектуальной истории важное место отведено языку как носителю и фиксатору прошлых идей. Поэтому историческая реконструкция смыслов в интеллектуальной истории не может обойтись без понимания дискурса общества, и это понимание достигается особым подходом «лингвистического контекстуализма».

Сам подход тесно связан с двумя школами интеллектуальной истории, наиболее известная из них в России – Кембриджская школа [3]. Однако существует и другая, Сассекская школа интеллектуальной истории, отличающаяся собственным взглядом и подходом исторической герменевтики, а значит и функционированием лингвистического контекстуализма в ходе исследования.

Контекст формирования школы

Сассекская школа – объединение исследователей, изучающих преимущественно британскую интеллектуальную историю конца XVIII – середины XX вв. Название этой школы связывается с одноимённым университетом Сассекса.

Исследователи отмечают, что Сассекский университет в своё время значительно повлиял на дисциплину интеллектуальной истории в Англии. Влияние это начинается с момента основания университета в 1961 году, уже тогда он выделялся своей творческой средой. Обусловлено это было особым подходом к преподаванию, в котором практиковалась потоковая форма обучения, поощрялось тесное межкафедральное сотрудничество в исследованиях и реализации потоковых лекционных программ. Вследствие такой практики оформились междисциплинарные кафедры «Школа европейских исследований» и «Школа английских и американских исследований» [10, р. 7], развивались особые гуманитарные «контекстуальные курсы» – «Концепции, методы и ценности социальных наук» (CMV) [10, р. 7].

На этом фоне формируется официальный институциональный статус интеллектуальной истории: в 1969 г. в Сассексе учреждается первая в Англии образовательная программа бакалавриата по интеллектуальной истории [9, р. 8; 10, р. 8] и в 1972 г. впервые официально учреждаются должности, связанные с областью «Интеллектуальной истории» [10, р. 4].

С одной стороны, покровительство интеллектуально-историческим исследованиям, а с другой – возможность неординарного синтеза на стыке дисциплин явно становились очень привлекательными для исследователей, интересующихся историей мысли. Особенно это проявится на фоне «кризиса» области интеллектуальной истории в 1970-х гг., в условиях которого Сассекс явно мог являться прибежищем для ученых [13, р. 256]). По этой причине в Сассекский университет приходят историки, имеющие общие интересы, мотивировавшие их проводить совместные исследования. Эти исследования станут базой для создания особой группы, получившей название «Сассекской школы интеллектуальной истории». Среди этих историков следует выделить тех, кого принято причислять к «отцам» рассматриваемой школы: Дональда Нормана Уинча, Джона Вайона Барроу, Стефана Коллини [14; 10, р. 7; 16, р. 40].

Знаменательным результатом исследований Уинча, Барроу и Коллини стал сборник эссе по интеллектуальной истории Англии XIX века («That noble of politics: a study in nineteenth-century intellectual history») [12], опубликованный в 1983 году и в дальнейшем получивший статус манифеста [15]. Также немаловажно, что в период их активного сотрудничества в 1980 г. учреждается существующий поныне журнал «History of European Ideas». Журнал этот отличается тематической широтой исследований в области истории идей, например политическая и экономическая мысль и международные отношения, философия, естественная философия и наука, теология и литература.

Дальнейшая же их работа, как характеризуют её сторонние исследователи, ярко проиллюстрировала, что Сассекской школе удалось создать «совершенно иную историю по сравнению с историей политической мысли, созданной в Кембридже такими историками, как Квентин Скиннер, Джон Данн и даже Г. Стедман Джонс» [14].

Что касается метода Сассекской школы, то необходимо оговориться, что его реконструкция имеет ряд сложностей. Так, например, представители этой группы исследователей настороженно относились к своему определению в качестве школы [10, р. 4], считая своё объединение феноменом уникальной среды Сассекского университета. Второе затруднение вызвано тем, что историки из Сассекса осознанно не формулировали общей методологии, считая более перспективной методологическую свободу [10, р. 14], о которой будет сказано чуть позже.

Невзирая на это, рассматриваемая группа исследователей может восприниматься в качестве особой школы, ведь они сами без сомнений признают наличие у них общего взгляда на

интеллектуальную историю и подхода к её реконструкции [10, р. 13], и это, во-первых, можно считать основой их объединения. Во-вторых, их подход вдохновляет последователей и по сей день. Так, недавно созданный журнал "Global Intellectual History" концептуально ориентирован на основные принципы школы. Энн Томсон, профессор интеллектуальной истории Европейского университетского института (European University Institute, Флоренция), признаёт созвучие собственного метода с сассекским [15, р. 58]. И, наконец, сторонние исследователи, в том числе Дж. Покок, к началу 1980-х годов начинают ссылаться на группу исследователей из Сассекса как на «школу» [5, с. 213].

Поэтому дальнейшее внимание будет сосредоточено на том, каким образом сассексцы воспринимают интеллектуальное пространство прошлого и *как* они предпочитают проводить его историческую аналитику.

Лингвистические основы исторической герменевтики Кембриджа и Сассекса

Академический контекст Англии первой и второй трети XX века во многом обусловил концептуальную схожесть Кембриджской и Сассекской школ. На них одинаково повлияла интеллектуальная традиция лингвистической философии Витгенштейна, Дж. Остина, историографии Коллингвуда, а в особенности лекции известных историков политической теории – Майкла Оукшотта и Питера Ласлетта, воспитавших первые поколения основателей кембриджцев и сассексцев [10, р. 4–5].

На теоретическом уровне их близость объяснима поиском значения слов в их историко-ситуативном контексте, называемом «лингвистическим контекстуализмом». Сассексцы так же, как и представители Кембриджской школы, разделяют интерес к прошлому дискурсу, выступающему важным интеллектуально-языковым фоном, без понимания которого трактовка текстов останется неполной. Здесь наиболее значимо подробное уяснение краткосрочного и локального измерения, где в исследовательский фокус попадают отдельные авторы и их намерения. Обе школы отдают предпочтение такому способу понимания смысла, который учитывает, с одной стороны, мышление автора в процессе написания текста, а с другой – взаимовлияние текста и дискурса. И в целом обе школы радикально относятся к любым формам искажения изначального смысла текстов и коннотаций устаревших слов, что и служит основанием для способа исторических реконструкций, нацеленных на понимание прошлого в его собственной терминологии.

Но всё же при наличии сходства школ Сассекская группа исследователей отличается собственным взглядом на интеллектуальный дискурс. Опираясь на него, исследователи предлагают свой способ реконструкции языкового пространства.

Междисциплинарная поликонтекстуальность

Опыт межкафедрального сотрудничества в университете Сассекса не мог не повлиять на то, как в конечном счёте историки начнут воспринимать интеллектуальную среду в прошлом. Так, приобщение к интеллектуальной истории опыта социологических, экономических, исторических, лингвистических, литературоведческих, антропологических и прочих наук показало, что профессиональные вокабуляры каждой отдельной дисциплины в прошлом могли пересекаться.

Благодаря этому появилась возможность посмотреть на прошлые научные области как бы наддисциплинарно, то есть не воспринимая их прошлый облик через современные определения.

А это, в свою очередь, позволило шире взглянуть на языковое пространство и по-новому определить облик всего дискурса, позволяя видеть в нём не один теоретический язык, а их совокупность, вокабуляры которых отсылают к разнообразным сферам прошлой жизни [13, р. 259]. Опираясь на специфику английского интеллектуального пространства XIX века, сассексцы установили, что междисциплинарный характер дискурса обусловил взаимное пересечение дисциплинарных языков. В Англии на протяжении всего XIX века вопросом о статусе научности политики интересовался широкий круг интеллектуалов, и многие из них специализировались одновременно в нескольких областях знания. Параллельно с этим идеи авторов явно испытывали влияние моды, интеллектуальной традиции, исторических событий, причём происходивших не только в Британии. Размышления авторов свидетельствуют о разнородных взглядах: каждый из них использовал собственный профессиональный опыт, разное отношение к политике как науке, статусу её автономности и т. д., и при этом многих из авторов, как показывает выстроенная картина, нельзя причислять к «политическим философам». В результате это привело к поликонтекстуальности смыслов. Дисциплинарная неопределимость дискурса способствовала появлению своеобразных смысловых миграций или даже комбинированию дисциплинарных смыслов, из-за чего любой использованный оборот речи мог иметь различные коннотации.

Дополнительно удалось установить, что сами дисциплинарные языки, хотя и могут рассматриваться, отчасти, как «элитарные», но и они определённо испытывали на себе влияние культуры всего общества, а также разнообразных событий, с которыми общество сталкивалось [10, р. 1]. Это позволяет Сассекской школе несколько расширить роль языка, видя в нём не только способ легитимации, но и особое культурное пространство, многогранно отражающее реакцию общества на социальные, исторические, экономические, политические и прочие факторы. При этом само реагирующее общество уже обладает определённой мировоззренческой призмой – смысловым пространством, в котором происходит постоянная борьба между идеями.

Становится понятным, что подобная специфика исторического материала требует от историка повышенного внимания к контексту локальной исторической ситуации. С одной стороны, то, что фиксирует в себе дискурс из окружающего пространства, а с другой – то, чем наполнена культура, не может быть раскрыто без детального исследования разнообразных факторов микроисторического уровня: социальной и экономической ситуаций на рассматриваемой территории, степени распространения отдельных текстов, концентрации определённых идей и отношения к ним у разных социальных групп, специфики моды и стандартов образованности, географии отдельной местности и пр. Под исследовательский взор здесь попадут события и реакции на них из разных сфер прошлого, в которых резонансы идей позволят проследить их дискурсивный путь через тексты, а именно через высказывания определёнными оборотами речи и культурную специфику. Это, в свою очередь, даст возможность детально выявить трансформации идей, их последствия, установить бытовавшую констелляцию дисциплинарных вокабуляров внутри единого дискурса. С другой стороны, обращение к деталям может прояснить и то, каким образом и почему определённый ярлык был присвоен определённой научной деятельности, следовательно, почему представители общества имели именно те или иные убеждения.

Если оценивать эти концептуальные установки в целом, то, на наш взгляд, они способны существенно обогатить практику лингвистического контекстуализма. Автор любого

текста начинает восприниматься не только представителем своей дисциплины, но членом целого интеллектуального сообщества, а с другой стороны, как представитель культуры, общества в конкретный момент эпохи. В свою очередь, лингвистический контекстуализм Кембриджской школы хоть и прибегал к опыту внеполитических сфер (философии, религии), но главным образом он проецировал этот опыт на область истории политических теорий, в поисках инструмента влияния на мыслителей и на дискурс языка политики.

В свете озвученного отношения к дискурсу прошлой эпохи становится ясной та логика, на которой базируется представление Сассекской школы о цели интеллектуальной истории. Вся область «интеллектуальной истории» рассматривается как особая историческая субдисциплина, основной целью которой является «восстановление и понимание интеллектуальной жизни прошлого в её запутанности и туманности» [11]. Акцент, полагается, необходимо ставить так, чтобы интеллектуальное пространство воспринималось одной из сфер прошлой жизни. При этом учитывается, что рождение идей происходило в условиях постоянного влияния на них разнообразных внешних и внутренних сил (культура и язык, динамика социальных, экономических, политических событий), а сам характер этих сил и способ их восприятия постоянно изменялся, отсюда их «туманность» и «запутанность».

Поэтому можно полагать, представители Сассекской школы предпочитали определять свою деятельность именно как «интеллектуальную историю», а не «историю идей», ведь первое обозначение подчеркивает причастность к «человеческой деятельности», а не к простым абстракциям, взятым как независимый объект изучения.

Таким образом, учитывая широту восприятия дискурса, его культурную жизненность, интеллектуальная история в понимании Сассекской школы имеет очень подвижные и размытые границы. Любая попытка реконструировать смысл текста всегда должна охватывать нечто большее, чем только поиск смысла, она должна ориентироваться на раскрытие всего интеллектуального пространства и с явными его проблемами, и с теми, какие можно обнаружить в прошлых дискуссиях или размышлениях.

От историка, в свою очередь, это потребует знаний особого рода, которые можно обозначить энциклопедическими, ведь историк дискурса должен чётко понимать всю специфику эпохи, ее культуры и динамику разворачивавшихся событий, обусловивших контуры интеллектуального пространства, коннотации языка, идей. Вместе с этим особую важность приобретает и кооперация исследователей, являющихся представителями разных областей знаний, способных осуществлять коллективные исследования.

Методологическая установка Сассекской школы

Обозначив общее представление тех концептуальных ориентиров, на которые опирается Сассекская школа, попытаемся охарактеризовать их способ реконструкции прошлого языкового пространства.

Как уже отмечалось, сассексцы отказываются от какого бы то ни было единого метода. Объясняется это тем, что методологическая универсальность накладывает на предмет жёсткие концептуальные схемы, лишаящие его исторической самобытности, а значит вносящие в историческое восприятие анахронизмы. Кстати, к таким жёстким рамкам сассексцы относят любую терминологию, которую иногда пытаются сформулировать интеллектуальные историки в своей области, ведь такие термины также будут собирательными и обобщающими, то есть чуждыми прошлому [9, p. 21]. Вместо этого сассексцы предпочли подходить к реконструкции

только тем путём, какой исходит из специфики исторического и социального дискурса прошлого, а не только отражает их нюансы. Поэтому своеобразная «эклектичность» и творчество у сассексцев становятся ценными инструментами, с помощью которых интеллектуальный историк должен самостоятельно подобрать методологический комплекс, максимально адекватный условиям конкретной исторической ситуации и интеллектуального пространства.

В свою очередь, такая своеобразная «сборка» метода происходит в границах особого подхода, который сассексцы обозначают метафорически как «подслушивание разговоров прошлого» и «перевод» [9, р. 21–24; 10, р. 15]. Данную метафору историки Сассекского университета обычно не раскрывали, высказывая её лишь в качестве ответа на вопросы о том, кем является, по их мнению, интеллектуальный историк, и в чём заключается его деятельность. Но, несмотря на это, смысл метафоры можно раскрыть, если использовать указанные выше методологические замечания. Когда мы «слушаем» прошлую эпоху, то в первую очередь ставим перед собой *цель* достичь тонкого различения тех контекстуальных переплетений, из которых исходили силы, стимулирующие и сдерживающие изменение интеллектуального пространства. *Задачей* же выдвигается такая контекстуализация текста (или проблематика, о которой в прошлом писали несколько авторов), благодаря которой он как бы «говорил сам за себя» [10, р. 14].

Ключевым звеном подхода выступает предметное схватывание совокупности вокабуляров, обозначаемых общим дискурсом. Мы должны услышать и самобытный язык, на котором говорили в прошлом, и волнующие интеллектуалов проблемы, о которых велись «беседы». Кстати, именно поэтому следует обращать внимание на «интеллектуальные тупики», бывшие причиной активных обсуждений в прошлом, а не ограничиваться знаменательными открытиями эпохи, которые могли таковыми не восприниматься в момент их появления. Чтобы уловить действительно бытовавшие коннотации, звучащие в этом языке, исследование должно двигаться в двух ракурсах – от *уникального голоса* (включающего конкретного автора, анализируемый текст, его биографию) и от *полифонии голосов* (совокупности уникальных голосов). При этом оба ракурса раскрываются *параллельно друг другу, резонируя с культурной спецификой* интеллектуальной среды, общества и разнообразными историческими событиями [10, р. 15].

Процесс осуществления этого «подслушивания» практически является процессом исторического понимания, условно разделённым на два этапа. Первый из этапов представляет само «подслушивание»: здесь важно удерживать чуждость («туманность» и «неясность») прошлой интеллектуальной жизни и тех вопросов, какие проговаривались, ни в коем случае не соотнося их с современными темами, так как этим удерживается историческая дистанция. В начале такого слушания историк словно собирает общую полифонию голосов через отдельные звучания, то есть через текст и информацию о личности автора, его намерениях при написании текста, уникальной формы изложенной им идеи. Затем, разворачиваясь «по кругу», сама собой вырисовывается общая картина интеллектуального пространства, где обнаруживаются и новые авторы, остававшиеся прежде в тени и считавшиеся второстепенными, и новые контексты, а значит, и новые смыслы. По выражению Барроу, на этом этапе необходимы интеллектуальное «терпение», «настойчивость» и «бдительность», а также постоянное внимание к «естественному языку» [9, р. 23]. Разумеется, стоит оговориться, что этапу «подслушивания»

предшествует ряд подготовительных процедур: определение тематики конкретного исследования, предмета и смежных с ним текстов эпохи, культурная и историческая характеристика общества и т. п., но по мере уяснения («слушания») прошлой интеллектуальной жизни всплывут новые нюансы, которые лягут в основу общей картины, таким образом все предварительные процедуры будут вновь повторяться в ходе исследования, но уже в новом качестве и с обновлённым материалом.

Второй этап включает в себе «перевод». Суть его состоит в придании коннотациям прошлого интеллигентности нашему (современному) восприятию. Главным становится намерение донести связь «чуждого» с его фоном – сопоставив их мы и делаем «чуждый» смысл понятным. Здесь важны приёмы объяснения, аргументации и сопоставления. За историком остаётся право на выбор формы «перевода», так, например, Барроу часто использовал литературные аллегории [10, р. 16–17], тогда как Уинч, напротив, предпочитал максимальную строгость изложения, в которой, как он выражался, нельзя давать разуму ни минуты отдыха в комфортных ему современных категориях [10, р. 17–18].

В результате мы видим, что, осуществляя такой подход к реконструкции, историк не выстраивает, а именно выводит смысл из текста, языка прошлого и связанной с ними культурно-исторической ситуации. Подход, предложенный Сассекской школой в форме «подслушивания разговоров прошлого», становится своеобразным механизмом, «ведущим» за собой постепенно разворачивающийся метод, который актуализирует себя сам, герменевтически обеспечивая историку понимание прошлого смысла.

Список литературы

1. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть I / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 530 с.
2. *Волошина О.А.* Эдвард Сепир и лингвистическая типология XX века // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 1. С. 3–14.
3. Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории / сост. *Т. Атнашев, М. Велижев*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 860 с.
4. *Остин Дж.* Как производить действия с помощью слов // Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–138.
5. *Покок Дж. Г.А.* Квентин Скиннер: история политики и политика истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. *Т. Атнашев, М. Велижев*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 191–217.
6. *Сапрыкина Е.В.* Конструктивизм и проблема понимания в современном философском знании // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 3. С. 140–143.
7. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. А.Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
8. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 135–168.
9. *Burrow J.* Intellectual history in English academic life: reflections on a revolution // Whatmore R., Young B. (eds.) *Palgrave advances in intellectual history* (Palgrave Advances Series). London: Palgrave Macmillan, 2006. P. 8–24.

10. *Collini S.* General introduction // *Collini S., Whatmore R., Young B. (eds.) Economy, Polity and Society: British Intellectual History, 1750–1950.* Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2000. P. 1–21.
11. *Collini S.* Intellectual History // Making history: Online-web-site of Institute of Historical Research (IHR). URL: https://archives.history.ac.uk/makinghistory/resources/articles/intellectual_history.html (дата обращения: 18.01.2023)
12. *Collini S., Winch D., Burrow J.* That noble of politics: a study in nineteenth-century intellectual history. New York: Cambridge University Press, 1983. 385 p.
13. *Cuttica C.* Intellectual history // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). Elsevier. 2015. № 12. P. 255–261.
14. *Olesen B.K., Gerlings J., Navu K., Knecht D., Mela M.L., Wittendorff T. Ø.* Things with Intellectual History: An interview with Martin van Gelderen [electronic resource] // *Zeitenblicke: Online-Journal Geschichtswissenschaften*, 2013, № 12 (1). URL: <https://www.zeitenblicke.de/2013/1/Gelderen/?searchterm=Doing%20Things%20with%20Intellectual%20History> (дата обращения: 20.01.2023)
15. *Thomson A.* L’histoire intellectuelle: quelles idées, quel contexte? // *Revue d’Histoire Moderne et Contemporaine*. 2012. № 59 (5). P. 47–64.
16. *Young B.* Intellectual history in Britain // *Whatmore R., Young B. (eds.) Palgrave advances in intellectual history (Palgrave Advances Series).* London: Palgrave Macmillan, 2006. P. 25–48.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 31.07.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 31.07.2023; accepted for publication 30.09.2023.